

вой, и, желательно, не перепрыгивая через несколько. Только в этом случае отчетливо можно представить обязанно-сти и возможности подчиненных, вновь прикидывая на себя их "руно". Отсюда и стремление требовать, порой, по полной программе, но оставаясь нравственно образованным и воспитанным. Тоже, к сожалению, не всем начальни-кам присущее качество...

Рассказывать о победе в конкурсе "Человек года", которая и послужила последней каплей для нашей встречи, Александр Сергеевич посчитал, что особо нечего. Он, будучи далеко не амбициозным, придерживается принципа: "Работай, старайся, а слава тебя догонит!"

Интересно было узнать, о чем мечтает "Инженер—2005"?

Оказалось, не об отдыхе, сегодня поставил перед собой задачу в совершенстве овладеть разговорным англий-ским языком, чтобы свободно общаться с иностранными гостями. Что помогает быть в отличной форме? Ежеднев-ные, несмотря ни на что, физзарядка и обливание ледяной водой. Принципы. К примеру, ни дед, ни отец Рябовы, не списывая дурную привычку на жизненные неурядицы, никогда не курили. Не знает вкуса табака и Александр Серге-евич, зато оба его зятя, войдя в новую семью, глядя на здорового и жизнерадостного тестя, бросили это пагубное де-ло. А еще любовь и понимание близких — жены, дочерей, а теперь и двух внуков, один из которых назван в его честь Александром, а другой, в честь прадеда — Сергеем.

Лель на душу пролился во время разговора, когда услышала, КАК относится герой очерка к женщине. Исклю-чительно почтительно, с пафосом, называя Хозяйкой и домашнего очага, и Судьбы.

Любит слушать хорошую музыку и бывать на природе, компанию друзей и одиночество с интересной книгой... Разносторонний, легкий, открытый, надежный человек.

Умница!..

Не сомневаюсь, что, находясь в самом расцвете жизненных сил и производственных достижений, у Александра Сер-геевича Рябова получится все, за что бы он ни взялся, и еще долгие годы он будет служить примером для окружающих.

Спасибо, политехнический, за достойного питомца!

Воспоминания о Томске

**С.М. Николаев - выпускник (февраль 1957 г.) ГРФ ТПИ (группа 2312-261),
к.г.-м.н., ст. научный сотрудник Объединенного института геологии,
геофизики и минерологии и СО РАН**

В 1951-м (как быстро бежит время!) автор этих строк, успешно сдав все шесть вступительных экзаменов, стал студентом геологоразведочного факультета Томского политехнического института. Вместе со мной эту ра-дость поступления разделили еще 175 бывших абитуриентов. Мы с внутренним волнением поднимались по истертым ногам студентов за 50 лет лестницам, входили в аудитории, где слушали лекции уже полсотни выпу-скников специалистов, внесших огромный вклад в создание и освоение минерально-сырьевой базы страны.

Надо сказать, что конкурс для поступления в Институт был достаточно большим, особенно на ГРФ (7 чело-век на место), горном и химико-технологическом факультетах. По-видимому, в этих специалистах Сибирь в то вре-мя особенно нуждалась — работа в будущем не из легких, и к тому же опасна и трудна. Поэтому и стипендии были здесь несколько повыше, да и давали ее всем студентам, сдававшим на сессиях экзамены даже на тройки. Это да-вало дополнительные определенные гарантии тем, кто, вроде меня, не мог получать какой-либо помощи из дома.

Разбили нас на семь групп по будущим нашим специальностям — геологи, гидрогеологи, геофизики, бу-ровики, нефтяники, и мы приступили к занятиям (с четвертого курса прибавились редкометальщики). Самая пер-вая лекция была сразу у всего потока (01.09.1951) в самой большой аудитории Главного корпуса (фото). Абитури-ентами мы были здесь на птичьих правах. Нас, конечно, поразили старинные корпуса института, его стоптанные сотнями тысяч ног лестницы, но тогда это было лишь временное, но желанное пристанище. Все зависело от на-ших знаний и экзаменационной госпожи-удачи. Теперь же мы почувствовали, что это наш дом на пять лет.

Для проживания нам отвели мужское геологическое общежитие на Советской, 84, ставшее нам родным на последующие годы. Утрамбовали по 6—8 человек в комнате, часто с правом прохода между койками боком. Немногочисленных на курсе девчат в течение первого года трижды переводили из одного общежития в другое. На следующих курсах распределяли по более мелким комнатам, в зависимости от оценок санитарного состояния комнат за прошедший год. Большинство из нас, кому родители финансово особо помочь не могли, жили коммунами. Выбранный казначей собирал со стипендий денежки, очередной дежурный по комнате заго-тавливал незамысловатые продукты, на огромной плите общей кухни в больших кастрюлях все готовили обеды. Иногда, правда, из-за понравившегося запаха из чужой кастрюли некоторые их "по ошибке" путали, по-этому свои кастрюли часто метили. Нерадивого дежурного наказывали повторным дежурством, либо требова-

Memories of Tomsk

S.M. Nikolaev

Investigation of rocks and the taiga, love to nature and the earth and our striving for investigations contributed to choosing the career of geologists. The majority of us had not left our home cities before and for others it was their first trip supported by the irresistible lure to see the world. Geology has always been in demand in Siberia.

The knowledge we gained in mining engineering opened great horizons of geological survey, ore exploration and production.

We are proud of our professors Yu.A. Kuznetsov, A.M. Kuzmin, F.N. Shakhov, K.V. Radugin, L.L. Khalfin, A.A. Belitsky and assistant professors G.A. Ivankin, S.A. Stroitelev, and V.K. Cherepnin.

One hundred and sixty five students graduated from the Institute that time. Most part of graduates was involved into production, geological expeditions in particular, 28 students defended their candidate's theses and 1 person defended his doctor's dissertation. During our university years we were one geological family which had the closest relations with each other. We gather together every five years (even more often during the last few years) and are always looking forward to our next meeting.

ли поставить по паре бутылок пива на брата к очередному воскресенью. При экономном расходовании средств на месячный общепит уходило менее половины стипендии (сегодня было бы так!).

Дежурный отвечал за чистоту и порядок в комнате, что контролировалось свыше разного уровня комиссиями (табель таких проверок висел на видном месте). Несколько черных клеточек и можно было распрощаться с общежитием, снимая в частном секторе кровать или комнату, что обходилось в 10—20 раз дороже. Жили дружно, весело, с розыгрышами. Наиболее частым розыгрышем были записки дежурным (студенты дежурили круглосуточно по очереди) обязательно разбудить часа в четыре утра, указывалась причина, рисовался план комнаты, место выключателя и кровати желающего встать очень рано. Иногда "автор" записки просил будить его очень настойчиво, несмотря на брань, а при отказе вставать, просил вылить на него специально приготовленную кружку воды, специально заготовленную на тумбочке у его изголовья. Такие записки подкладывались на стол только упертым и исполнительным дежурным: те будили, выливали, показывая записку в бешенстве вскочившему студенту. Последний еще долго потом ходил по коридору, громко вспоминал близких и дальних родственников всех тех, кто написал и кто разбудил.

Наш однокурсник Сергей Олейников, большой любитель охоты на зайцев по первому снегу, все хотел позаимствовать у кого-то на пару дней прочные валенки. Увидев на батарее в комнате старшекурсников огромные, его размера валенки, попросил их на пару дней. Хозяева ответили, что проблем нет, и, указав на двухпудовую гирию, стоявшую на полу, сказали, что если он выжмет ее 15 раз, этим валенкам будет постоянным хозяином. С большим трудом справившись с заданием и еще не отдышавшись, обрадованный Серега схватил в охапку вожаденные валенки и обалдел... они были без подошв.

Подавляющее число наших однокурсников, приехавших учиться в Томск из разных уголков Сибири и Дальнего Востока, были из малообеспеченных семей. Почти пятая часть из них были ветеранами Великой Отечественной, работали в годы войны, закончив вечерние средние школы или техникумы уже в мирное время, или пришли в вуз после службы в армии. В одежде ребят преобладали гимнастерки и кители, курточки и хлопчатобумажные свитеры, перешитые и перелицованные отцовские пиджачки, из теплой одежды — шинели и фуфайки.

И то, что у студентов-геологов и горняков Института было право в специальной пошивочной мастерской (по льготным ценам и в рассрочку) заказывать из добротного материала единую форму, считали, большим благом. Многие из нас (в том числе и я) впервые именно здесь надели хорошие, по фигуре индивидуально сшитые костюмы и шинели, а не с чужого плеча. Всем нам эта форма, принятая еще в стародавние дореволюционные времена, казалась очень красивой. Черного цвета с синей окантовкой, бронзовые пуговицы, молоточки в петлицах и витиеватые крупные вензеля ТПИ на плечах, как это видно на фотографиях (фото). Мы, как дисциплинированные солдаты, идя на свидания, надраивали их пастой и на зависть студентам других факультетов блестяли ими, как медные самовары.

Форма дисциплинировала, объединяла геологов и горняков. А как она поднимала нас в глазах прекрасного пола, особенно за пределами Томска, где нас таких было немного! Однажды в Прокопьевске навстречу мне попался молоденький морячок, приехавший также на побывку. Я был в отглаженном белом форменном кителе и фуражке, но в тельняшке и в брюках клеш (подарок брата-курсанта). У него глаза сделались квадратными, он перешел на строевой шаг, отдал мне честь (я — ему), и потом за спиной долго спорили со своим отцом. Младший уверял, что я адмирал, старший — склонялся больше к железнодорожному начальству.

Форма часто выручала в нештатных ситуациях — при разборках с местным хулиганьем: было издали видно, что бьют наших, и вовремя приходила помощь. Но эта форма была для них и для милиции, как красная тряпка для быка. В Томске, сразу после амнистии 1953 года, было особенно много хулиганья. Милиция ее, по-видимому, боялась, и за пределами ярко освещенных самых центральных улиц и проспектов города не появлялась. Поэтому немало студентов получили тяжелые травмы и ножевые ранения, а преступников милиция обычно не находила.

Другое дело — привести в околоток слегка подвыпившего студента в форме или перешедшего улицу в неполюженном месте и не заплатившего штрафа! Составить акт с целиком навывдуманными проступками задержанного и послать его на имя проректора — А.П. Казачека. Это милиция любила делать!... Есть фактор задержания "нарушителя" — благодарность за бдительность от собственного начальства и быстрая реакция администрации института, перечеркивающая из-за больной фантазии "стража порядка" дальнейшую учебу студента.

Слева—направо (сидят): профессора А.Н. Кузьмин, М.К. Коровин, Ю.А. Кузнецов, Ф.Н. Шахов, К.В. Радугин;
Слева—направо (стоят): профессор Л.А. Белицкий, доцент В.А. Нуднер, профессор Л.Л. Халфин

Из-за бессилия или нежелания милиции заняться своей работой мы были вынуждены сами наводить порядок. Нарушая демократические нормы, нередко вершили самосуд, так как, будучи переданными в милицию, бандиты и хулиганье снова вскоре выходили на свободу. Студенты устраивали заставы, брали "на живца" любителей поживиться за чужой счет, ходили патрулями и обыскивали компании подозрительных парней. Если находили у них какое-либо холодное оружие, либо были опознаны ранее пострадавшими, то, предварительно сообщив фамилии и адреса своих дружков, они надолго забывали, что снова могут выйти на разбой. Других, если они бурно не сопротивлялись, отпускали, но просили предупредить всех своих сомнительного поведения дружков, чтобы те вблизи мест проживания студентов лучше бы не появлялись, а в случае повторения поножовщины, мы пройдемся по известным уже нам адресам. Так или иначе, но в нашем районе стало значительно спокойнее.

Но это все студенческие будни. Но что же всех нас потянуло в геологию? Выбору геологической специальности в очень большой степени способствовала романтика горно-таежных изысканий, любовь к Земле, природе, стремление к поиску и перемене мест. Большинство из нас ранее вообще далеко не отъезжало от своих родных мест, и у многих это была самая дальняя поездка в их жизни, а желание повидать мир было подспудным у каждого. Нам представлялась эта специальность всегда потребной, особенно в Сибири. Получаемое звание горного инженера открывало широкие возможности работы от геологической съемки, поиска и разведки до рудничной эксплуатации. Это и сносная зарплата в будущем после окончания института, позволявшая сводить без особого напряжения семейный бюджет.

Правда, последняя в период хрущевской оттепели, когда мы получали эти звания, уже заметно подтаяла. Но нам тогда и в страшном сне не могло присниться, что с геологией можно сделать то, что сделали с ней в наши дни. Но в этом мы в какой-то мере виноваты и сами — вместе с другими коллегами и нашими предшественниками хорошо поработали, обеспечив стране прочную минерально-сырьевую базу. Только нашими однокурсниками было открыто 28 месторождений, что подтверждено почетным знаком Первооткрывателя.

Нам очень повезло с учителями. Среди них нам, "рудникам", особо следует отметить профессора Ю.А. Кузнецова, А.М. Кузьмина, Ф.Н. Шахова, К.В. Радугина, Л.Л. Халфина, А.А. Белицкого, доцентов - Г.А. Иванкина, С.А. Строителева, В.К. Черепнина. Они учили нас не только специальности, но и жить по совести, уважительно относиться к труду предшественников, как себя вести в экстремальных полевых условиях. Многое из того, чему они нас учили, мы по-настоящему оценили, лишь став специалистами. В отличие от современного учебного процесса, у нас были очень большие профилирующие курсы (лекционные и лабораторные) минералогии, петрографии и месторождений полезных ископаемых.

На нашем курсе Институт кончили 165 человек. Подавляющее большинство выпуска пошло на производство — в геологические экспедиции, управления (для этих нужд нас практически всех и готовили), 28 человек защитили кандидатские диссертации, 1 — докторскую. Семеро сразу пошли в вузовскую и академическую науку, еще 22 пришли в науку и защитили диссертации после производства, либо продолжая работать в этих организациях. Студенческие годы всех нас сдружили, мы стали единой "геологической семьей", собираясь каждые пять лет (в последние годы чаще), радуясь, как дети, очередной встрече. К сожалению, более трети выпуска на сегодня уже ушли в мир иной. И когда мы встречаемся друг с другом большими или малыми компаниями, в числе первых наших обязательных четырех тостов — в память наших учителей, однокурсников, за Политехнический и за студенческий город Томск. В последние 15 лет прибавился еще один — за многострадальную геологию — науку, которая кормит всю Россию, но в результате "демократических перемен" оказавшуюся в положении Золушки у правительственной мачехи.